

ДВА ПИСЬМА О ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Публикация З. П. Базилевой

Среди обширной корреспонденции, поступающей в «Колокол» из России в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, было немало такой, которую Герцен выразительно называл «балластом писем». «Всякий писал, что поцало,— вспоминал Герцен об этом времени,— один, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя уверить, что он опасный человек...» (XIV, 375). Но для Герцена и эти письма не были лишены интереса, как любопытные свидетельства об отношении к «Колоколу» обывателей, враждебно настроенных кругов. Они содержали также небесполезные сведения и факты. Он их внимательно читал, классифицировал, отбирал для хранения и даже, как он говорит в «Былом и думах», имел намерение поделиться ими с читателями в конце одной из частей (XIV, 376). Выполнить это намерение ему не пришлось. Письма остались в ведрах архива «Колокола». Несколько таких не лишенных интереса писем обнаружено в «пражской коллекции».

Ниже публикуется одно из этих писем и, кроме того, конец другого письма, начало которого не сохранилось.

Первое письмо прямо обращено к издателю «Колокола». Второе представляет собой открытое письмо Александру II, предназначавшееся для опубликования в «Колоколе», но по каким-то причинам не напечатанное.

Авторов обоих писем установить не удается. Первое из них не подписано, второе — подписано инициалом S.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 126).

1

〈Конец 1858 — начало 1859 г.〉

Милостивый государь!

Россия покрыта таким глубоким мраком, что даже свет одной *Полярной звезды* и звон отдаленного *Колокола* обнаруживают много скорбных болезней и горького зла и будят заснувшие угнетенные силы, которых начинающаяся деятельность принесла уже добрые, хотя еще болезненные плоды. Когда начнут разноситься тучи и вслед за *Полярной звездой* начнут появляться другие светила и, наконец, яркий свет и целебная теплота общественного мнения оживит и разовьет семена народных сил и доблестей?

Много сочувствия и живой признательности проявляется к вам и много надежд обращено на вас. Уничтожьте проявившийся страх, что будто бы ваши издания или изменят направление, или вовсе перестанут издаваться, объявлением лживости слухов. Это принесет отраду и успокоение всем искренно вас уважающим и признательным.

Напечатайте это письмо, исправив, если можно, его литературные недостатки.

Как радостно принимаются всеми благомыслящими всякое дельное распоряжение, всякое удачное назначение, всякое внимание к уму, к истинным достоинствам и к полезной деятельности. Всякому добросовестному труженику слышится в этом поощрение и оживляется в нем надежда, что и его труд может быть примечен и оценен. Напротив того, как жестоко поражается все доброе назначением в вышние обязанности людей недостойных. Тогда пронырство, плутовство, воровство, низкопоклонность, клевета и лесть сгруппировываются около своего представителя, и горе всему, что не лжет в глаза, не ворует и не кланяется. Недаром говорится: рука руку моет.

Избранию в министры, товарищи их и директора департаментов должно предшествовать полное рассмотрение характера, способностей, образования, всей службы и всех предстоявших случаев к развитию. По таким данным можно составить довольно точное понятие о достоинствах и способности занимать высокую обязанность.

Какие данные, например, имеет г. Ростовцев, глава обширного, важного министерства внутренних дел? Разобрав все его прошлое, нет возможности понять, что могло быть причиной этого горького назначения.

БЕДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Картина маслом неизвестного художника, 1850-е гг.

Исторический музей, Москва

Какие дела и заслуги были причиной назначения Краббе директором департамента Морского министерства, а теперь пожалованного в генерал-адъютанты и, видимо, выдвигаемого на дорогу в министры? Неужели это может состояться? Печальна и жалка будущность флота нашего. Директором театров — вот его место, и на это он имеет много положительных достоинств, но потребностей флота, средств его развития, знания службы и достоинств морского офицера он понимать не может¹.

Считаясь, но не служив и <не> служа во флоте, он состоял при особе князя и для его потехи копировал перед ним разных людей и рассказывал анекдоты, большею частию площадные. Впоследствии круг его деятельности расширился, и Краббе бил ямщиков и зрителей и быстротой езды не уступал фельдъегерям. Надо отдать ему справедливость: во всем этом он до сих пор еще настоящим артистом. Кроме того, он имеет самое дружеское знакомство с прислугою генерал-адмирала² и знает всегда расположение духа, все разговоры и мнения его и при докладах как будто случайно сходится с ним в мыслях и к тому еще во-время искусно

расскажет анекдот и тут же представит кого-нибудь и тем приводит в хорошее расположение духа, заставляет смеяться и смело достигает своей цели.

Вот наши строгие ценители и судья.

Неужели у нас нет людей умных, добросовестных, любящих Россию (не как средство нажиться), которых бы жизнь, деятельность и честолюбие слились бы с пользами и славой народа?— Есть они, и много их. Умейте избирать.

Неужели недостаточно представляет Крымская война примеров вопиющего, преступного, повседневного зла, людей, недостойно избранных, с одной стороны, и высокого пожертвования и имущественной жизнью — с другой, что нет страха злу сверху, по невозможности видеть и слышать его при этой системе лжи и лести и взаимного охранения облеченных властью плутов, между тем как тысячи достойных снизу видят, чувствуют на себе зло и могли бы обнажать его и класть клеймо презрения и позора на недостойных и возвышать признательностью и уважением доблестных граждан. Тогда только избирающая и действующая власть имела бы достойных помощников, и благоденствие народа и слава дорогого нам отечества охранялась бы достоинством и доблестью, поддерживаемыми общественным мнением.

Дайте свободу мысли и речи, без них нельзя видеть и искоренять зла, получившего гражданственность.

На обороте 2-го листа:

Г-ну Герцену

¹ Слух о назначении Я. И. Ростовцева министром внутренних дел, а Н. К. Краббе — морским министром циркулировал в России в конце 1859 — начале 1860 г. Этим мотивируется приблизительная дата письма.

² *Генерал-адмирал* — вел. князь Владимир Александрович.

2

<Февраль — апрель 1860 г.>¹

* пусть же прозвонит над вами Колокол лондонский, но тоже с русским телепнем ², и этот звон над холопом слышнее будет барину звона всех колоколов всех православнейших церквей России.

О! государь! Вы доселе не знали, конечно, этого гнусного поступка Панина ³, но, узнав, какую веру вы ему дадите в каком бы ни было деле, в особенности столь важном, как об уничтожении крепостного состояния в России?

Дикое, невежественное племя корыстных эгоистов окружает трон ваш; сдавайте их в архив скорее, а к жизни деятельной вызовите новые, свежие силы; тогда, государь, вы увидите и собственные силу и благородство, затоптанные в грязь Муравьевыми, Паниными и др.: ваше ничтожество — их сила. Бедный государь!

¹ Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о гр. В. Н. Панине, назначенном в феврале 1860 г. председателем редакционной комиссии.

² *Телепень* (стар.) — язык у колокола.

³ Что именно имел здесь в виду автор письма, точно установить не удалось. 23 июня 1860 г. Герцен писал И. С. Тургеневу: «Панин начал делать невероятные мерзости, но нет документов и подробностей» (X, 352). В 7-й книжке «Голосов из России» Герцен напечатал «жизнеописание» Панина. См. также X, 386.

* Начало письма не сохранилось.—*Ре д.*